

основательном критиканстве и живет либеральными (по нынешним меркам - диссидентскими) надеждами.

Пролетарские силы зреют. Рабочий класс, когда-то по своей темноте способный постыдиться и поддержать только главные идеи революции, сейчас уже может разобраться в самых тонкостях построения революционного общества. И задача каждого, кто смотрит в будущее, помочь рабочему классу взять это будущее в свои руки.

Для того, чтобы это сбылось, нужны люди особой смелости. Эти люди нужны сегодня. Но речь идет не о личной отваге, хотя она тоже нужна, так как предстоит пронести свои убеждения в обстановке непрерывных преследований со стороны Администрации.

Речь идет не о личной отваге, хотя, когда борьба достигнет должного размаха, она потребует тысяч и тысяч самоотверженных борцов.

Речь идет о смелости духовной, о готовности бросить вызов обществу, не желавшему даже замечать твоего существования. Речь идет об умении терпеливо и настойчиво стучать в стену глухого людского недоверия, инертности, непонимания. Речь идет о том, чтобы верить в правоту и успех, даже если твой голос годами не находил отклика, чтобы не прекращать работы ни при каких условиях и этого успеха добиться тогда, когда подлинно марксистское революционное отношение к действительности начнет распространяться лавинообразно.

Тогда воловорот борьбы будет вовлекать все новых и новых людей и неостановка в кадрах не будет. Но для этого нужна большая работа сегодня.

"Гораздо труднее - и гораздо ценнее - уметь быть революционером, когда еще нет условий для прямой, открытоей, действительной массовой, действительно революционной борьбы, уметь отставивать интересы революции (пропагандистски, агитационно, организованно) в революционных, а зачастую и прямо реакционных учреждениях, в нереволюционной обстановке, среди массы, неспособной немедленно понять необходимость революционного метода действия" (Ленин, т.41 с. 80).

Это писал Ленин в "Детской болезни "левизны" в коммунизме". Именно этим характеризуется та фаза борьбы, в которую мы вступаем.

Что должно дать нам силу в такой борьбе? Что дает нам уверенность в том, что время этой борьбы наступило? Ранее высказанные соображения определяют неизбежность такой схватки с Администрацией. Но чем обусловлен выбор нынешнего дня как момента ее начала?

Три фактора позволяют выделить текущий момент в нашем общественном развитии.

Фактор первый, не самый главный вообще, но решающий именно для начала борьбы, состоит в том, что история существования нашего общества и нашей Администрации, в частности, уже представила достаточный

материал не только для марксистского анализа глубинных

причин неспособности нашей Администрации обеспечить движение вперед, но и для построения позитивной программы перестройки общества. Одним из свидетельств этого является эта работа. Сущность состоит в том, что пролетариат готов вступить в борьбу идеологически вооруженным.

Фактор второй состоит в том, что Администрация утратила всякое идеологическое влияние на общество. Никаких новых продуктивных идей Администрация выдвинуть не

может, а прежние идеи, перехваченные Администрацией у революционного, активного прошлого, частью утратили свое историческое значение в связи с изменением условий общественного бытия, частью категорически опровергнуты спекуляциями самой Администрации. Важная специфическая сторона нынешнего идейного кризиса заключается в том, что отсутствуют не только идейные связи Администрации с массой грудающихся, но нет и никаких идей, которые связывали, цементировали самое Администрацию.

При широком развороте борьбы Администрация начнет разваливаться и переходить целями зевнями на сторону пролетариата в силу элементарной тяги к духовному богатству. Конечно, Администрация еще прочна скреплена множеством формальных и традиционных связей, но на настоящем моменту она полностью идеологически разоружена.

Фактор третий и самый главный - это глубочайший экономический кризис, в который мы вступили. Этот кризис типично скрывается, Администрация прилагает все усилия, чтобы создать видимость благополучия. Но видимость есть видимость, сущность повсеместно прорывается сквозь нее. Это инфляция, которую мы ощущаем по росту цен. Это отставание объемов производства важнейших видов сельскохозяйственных продуктов. Это - неуклонное попытки напротивостояние всяких дополнительных "социалистических обязательств" выжать из промышленности прибыль недостач. Но основная примета того, что кризис вошел в окончательную fazu, что никакого выхода из него Администрацией не будет найдено - это динамика наших показателей по производительности труда. Уже несколько лет с вынужденным постоянством ЦСУ фиксирует прирост производительности труда на уровне 3-4 процентов в год, то есть на уровне катастрофического замедления технического прогресса. Для всякого марксиста ясно, что это - прямое следствие крайнего несоответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Наша разлагающаяся Администрация ничего изменить не в состоянии. Стихийным разрешение кризиса может быть только мелкобуржуазным - расширяющим простор для развития буржуазии крупной. Наш рабочий класс еще совершенно не готов к тому, чтобы предотвратить это, чтобы решительными действиями преопределить развитие событий. Времени на подготовку нам оставлено в обрез. Вот почему работу надо начинать сегодня.

1977 г

КОМУ ОТВЕЧАТЬ?

АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ РАЗЛАЦКИЙ

(31.03.1935 - 06.11.1989)

Два раза в год 31 марта и 6 ноября уже 20 лет на городском кладбище Самары собираются единомышленники и продолжатели дела Разлацкого.

А дело его простое и очень понятное сегодня для всех работяг. Надо бастовать и требовать свое! Забастовка - оружие рабочего класса! Стовориться, бросить работу, собраться в пехе, на заводе и всем дружно на улицу.

Перекрыть ближайшую трассу или демонстрацией двинуться к белому дому! Только так мы сможем заставить начальство выполнить наши требования. А требования у всех рабочих одни и те же: нападите контроль за начальством. И на заводе, и в городе, и в стране! Сможем заставить их выполнить наш требования, сможем удержать под контролем администрацию, тогда и с зарплатой, и с работой, и со спедлоджой, и со всем остальным будет все нормально. Не сможем - так и будут они драть с нас три шкуры, как с бессловестной скотины! Забастовка - единственное оружие, против которого начальство бессильно.

Нам все тычут в нос заграницу, вон, мол, как у них, и нам так надо. Хороший, между прочим, совет!

Греция, Франция, Англия, Италия, Германия... вся Европа раз в три месяца регулярно выходит на улицы гонять своих президентов! Может быть, поэтому там, за границей, рабочие и живут лучше, чем в России.

В 17-м году рабочие всего мира брали пример с России. Сегодня нам надо пример брать и вспоминать... Вспоминать то, чему многих из нас учили в школе, рассказывая о событиях 1917-го... Сегодня Россия, как и в начале прошлого века, вновь на пороге революционных событий.

Все начальники сволочи!

Вся власть СТАЧКОМАМ!

Слава Октябрю 1917-го года!

Да здравствует НОВЫЙ Октябрь!

Забастовка

Специ выпуск №3 Газета Самарского стачкома (Рабочего совета) и Партии Диктатуры Пролетариата Ноябрь 2009 г.

www.proletaris.ru

Рабочий класс организуется!
Забастовка - наше оружие!
Долой коммунистов и демократов!
Да здравствует пролетариат!
Да здравствует революция!

А. Б. Разланкий**КОМУ ОТВЕЧАТЬ?****ГЛАВА 1
ОТКУДА БЕРУТСЯ ВОПРОСЫ?**

В этой работе будет поставлено много вопросов – гораздо больше, чем ответов. Причиной тому не принятая литературная форма и не слабость наших познаний. Эти вопросы порождены нашей жизнью, бытом, нашим социалистическим строительством. И, видимо, они то и являются самыми главными продуктом нашей действительности, поскольку наше руководство готово поделиться с нами всем, чем угодно, кроме этих вопросов. В нашем обществе они стали тайной тайн, скретом сверхгосударственной важности, тем самым, на котором ставят гриф: "Перед прочтением сжечь". Эти вопросы настолько засекречены, что их никто не желает знать. Малого того, как только до официальных лиц, которые обязаны иметь дело с вопросами такого рода, доходит хотя бы легкий намек на эти темы, они предпочитают ссыпать от гетами, рекомендациями, лозунгами, призывами и пожеланиями – лишь бы не нарушить табу, не произнести вслух проклятых вопросов.

Первая серия вопросов. Доволен ли рабочий класс своим положением в стране победившего социализма? Устраивает ли рабочего тот уровень удовлетворения его материальных и культурных запросов, который имеется на сегодня? Каков он должен быть, этот уровень, с чем его надо сопоставлять? Можно ли утверждать, что трудащиеся нашей страны могли бы к нынешнему дню жить гораздо лучше, или то, что достигнуто – предел возможностей нашего общества? Иными словами, могли бы мы достичь более высоких темпов роста нашего благосостояния при тех же затратах труда? Могли бы мы вложить в дело общественного развития без личного ущерба большее количество труда?

Перечень вопросов первой серии можно продолжать долго: он неисчерпаем. Но мы уже подошли к основному и можем изложить это следующим образом. Материальные ценности создаются трудом человека, наше общественное достояние – результат деятельности нашего общества. В связи с этим два вопроса.

1. Могли бы мы без изменения предельных норм напряженности труда отдавать обществу большее количество труда, чем отдаем его сейчас? Ставя этот вопрос, мы, естественно, полагаем, что, вкладывая большее количество труда в общественное производство, мы будем производить соответственно большее количество материальных ценностей.
2. Могли бы мы производить то же количество материальных ценностей, что и сейчас, затрачивая в целом меньшее количество труда, чем затрачиваю сейчас? Или наоборот, могли бы мы, затрачивая то же количество труда, что и сейчас, производить большее количество материальных ценностей (в натуральном выражении)?

К этим двум вопросам присовокупим третий, теснейшим образом связанный с ними. Он обособляется потому, что от детального рассмотрения его мы пока воздержимся.

3. При каких условиях, во имя каких целей мы готовы, мы согласны работать с большим напряжением, то есть вкладывать в общественное производство большее количество личного труда?

Эти вопросы только на первый взгляд выглядят абстрактными – на самом деле они затрагивают существенные стороны нашей реальной жизни.

Принцип социализма: "От каждого по способностям – каждому по труду". Так вот, первый наш вопрос – действительна ли мы бьем от каждого по способностям?

Люди различны – по здоровью, по умению, по физическому развитию. У каждого из них свой предел способностей, складу, у каждого из них свой предел производительности труда. Но в рамках этого предела производительности труда. Но в рамках этого предела, относительно этого предела можем ли мы говорить, что все члены нашего общества в равной степени заняты в общественном производстве? Нельзя ли всего лишь иным распределением по рабочим местам добиться того, что увличится общее количество труда, вкладываемого в производство, и количество производимых этим трудом материальных ценностей?

Второй наш вопрос относится ко второй части того же лозунга. И дело здесь не в том, что на наших предприятиях множество бездельников получают зарплату невидимо за что. И не в том, что само существование "выгодных" и "невыгодных" по расценкам работ говорит о том, что одни и те же затраты труда могут оплачиваться совершенно по-разному. С этими несправедливостями надлежит, конечно, бороться, борьба с ними ведется и сейчас. Но причина того, что в этой борьбе не видно реальных результатов, мы рассмотрим особо. Сейчас мы должны рассмотреть другую сторону вопроса, относящуюся к распределению "по труду".

Если общество в целом произвело какое-то количество материальных благ, и если эти блага были достичь более высоких темпов роста нашего благосостояния при тех же затратах труда? Могли бы мы вложить в дело общественного развития без личного ущерба большее количество труда?

Многие отказываются от борьбы потому, что боятся оказаться в одиночестве, потому, что не верят в возможность консолидации рабочих сил, потому, что их дух угнетен тем, что на их памяти все изменения в обществе осуществлялись только сверху. Они не верят в силу рабочего класса, в его способность организоваться, потому, что они этого не видели.

Но ведь рабочий класс не слаб, нет не слаб! Он только одурачен на глупой пропагандой Администрации, выдающей себя за защитницу интересов пролетариата. Он потерян ориентиры, потому что Администрация откровенно спекулирует именами и высказываниями Маркса и Ленина. Он не может найти правильного направления, потому что Администрация, увязнув в мелкобуржуазном болоте, сама делает все, чтобы затянуть туда же и пролетариат. Администрация всеми силами старается подорвать стремление пролетариата к прогрессу. Нас старателльно убеждают в том, что мы живем свободно, богато и счастливо.

Хотя для любого честного марксиста должно быть ясно, что жизненный уровень передовых капиталистических стран, таких, как Швеция и США – нулевая точка, это тот минимум, от которого должен вести свой счет подлинный социализм. И все это делается для того, чтобы Администрация могла беззаботно, беззаботно транкирить все, что создано нашими руками.

Но пролетариат, даже очень сильно охмуренный проповедями Администрации, остается пролетариатом – единственным классом, имеющим власть над будущим. И силы его, влавшие в дремоту от умелого охмурения, всего лишь спят, а не угасают. А сознательность пролетариата расстает подстудно, не находя возможности для применения.

Революционная ситуация приближается, и тем, кто не видит этого, кто не верит в это, неплохо напомнить уроки истории – нашей собственной истории.

Карательных сил. Администрация не хуже нас знает: чтобы победить противника, надо его бить по голове, быть в солнечное сплетение, где соорудлены первые центры.

Но именно туда должны быть направлены лучшие наши люди – люди, обладающие передовым марксистским мышлением, преданностью интересам пролетариата, личной смелостью и непоколебимостью в борьбе.

И если задачи повышения пролетарской организованности и создания пролетарской организации будут нами решены, победа в борьбе с Администрацией будет нам обеспечена.

Почему? Что гарантирует нам победу?

Победа обеспечена нам тем, что мы вступаем в борьбу за то, чтобы сделать еще один шаг к коммунизму, еще в направлении поступательного движения истории. Рухнул фашизм, рухнул режим греческих "черных полковников", рухнет и режим Пиночета в Чили – потому что попытки задержать ход истории, самой же историей на любель и обречены. По сути дела такой же попыткой, только на более передовом прогрессивном историческом этапе является и существование нашей Администрации. Рухнет и она – от нас зависит только, произойдет ли это сейчас или много десятилей спустя, после того, как Администрация занянет нас назад, в прошлое. И в любом случае движение вперед не произойдет без борьбы. Нам решать: готовы ли мы вступить в борьбу сами или предпочтим мириться с постоянным ограблением и оставить борьбу – а тогда она будет еще тяжелой борьбой – нашим детям и внукам.

Многие отказываются от борьбы потому, что боятся организаций и поминутно наталкиваюсь в ней на политический режим, русский рабочий создает, наконец, то, что можно назвать формой рабочего движения, создает ту или те организации, которые наиболее подходят к условиям русской действительности. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что русское рабочее движение находится в амебовидном состоянии и никакой систематически душатся им и не могут пускать даже слабых ростков. Если прибавить к этому, что рабочий класс не получил в наследие того организационного духа, каким отличались борцы Запада, то картина получается удручающая и способная повернуть в уныние самого оптимистического марксиста, верящего в то, что лишняя фабричная труба, уже одним фактом своего существования, несет великое благополучие. Трудна, бесконечно труда и экономическая борьба, но она возможна, она, наконец, практикуется самими массами. Приучаясь в этой борьбе к

формы не создало. Статическое движение, существующее при всякой форме организации, не может еще быть названо движение находится в амебовидном состоянии и никакой

формы не создало. Статическое движение, существующее

при всякой форме организации, не может еще быть названо

движение находится в амебовидном состоянии и никакой

формы не создало. Статическое движение, существующее

при всякой форме организации, не может еще быть названо

движение находится в амебовидном состоянии и никакой

формы не создало. Статическое движение, существующее

при всякой форме организации, не может еще быть названо

движение находится в амебовидном состоянии и никакой

Прежде всего обширная цитата, имеющая прямое отношение к нашей современности: "Нетрудно из этого краткого описания хода развития рабочего движения на Западе сделать вывод для России. Линия наименьшего сопротивления у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности. Невозможный политический гнет заставит много говорить о нем, и именно на этом вопросе сосредоточивать внимание, но никогда не заставит он практически действовать. Если на Западе слабые силы наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти

Мы должны организованно бойкотировать все "невыгодные" работы, потому что это тоже грабеж. Но кроме того, мы должны требовать и то, что у нас уже отнято, мы должны бастовать везде, где заготовление Администрации нам приходится расплачиваться своим трудом и своим здоровьем.

Мы должны требовать удобных бытовок и улучшения условий труда, мы должны требовать грузоподъемных механизмов и механизации труда, где это может помочь. Мы должны требовать жилье и транспорт для работы и с работы. И мы должны предъявлять свои требования забастовкой. Где Администрация ущемляет наши общие интересы, мы должны видеть повод для забастовки.

Здесь нам важно избавиться от одного недостатка: перестать быть добрынками, перестать "входить" в положение. Когда мы приходим просить автобус для субботней рыбалки где Администрация ущемляет наши общие интересы, мы еще год назад стояли за соседним станком, и слышим: "Ну где я вам автобус возьму?" У завода их всего три, и на них получал автобус в прошлую субботу. Войдите в мое положение! — тут трудно не войти в положение. То же самое, когда директор говорит: "Нам выделили всего три квартиры, те, кто их получает, живут хуже чем токарь Крестиков".

Не входите в положение! Не мастер Валерка и не директор разговаривают с вами. Их устами спекулируют на вашей жалости, на вашей понятливости многоликая Администрация. Задумайтесь: кто определил вашему заводу три, а не тридцать три автобуса? Кто выделил три, а не триста квартир? А кто обрекает токаря Крестикова на дальнейшую жизнь в бараке? Пока вы жалеете Валерку, ваши требования никогда не дойдут до того, кто разбазарил неполученные вами блага.

Не входите в положение! А какое нам дело, где Администрация возьмет автобус? А какое нам дело, где времени потребуется для установки телефона? А какое нам дело, откуда в столовую завезут мясо? Это обязанности администрации, и пока она не научится их исполнять, мы не будем работать, не будем своим горбом вытаскивать телегу, завязнувшую из-за безделья Администрации.

Мы ведь не чужого просим, мы требуем то, что нами создано, что нами заработано, а Администрацией загублено, растеряно, разработено.

И тогда наша Администрация почувствует, что настало время платить за вольготную жизнь. И тогда Администрация заверится, пытаясь закрыть прорехи. И тогда Администрация признается, что расплачиваются по всем предъявленным ей счетам нечем, так как беречь наши пенности, наш труд она никогда не считала нужным.

Станка, забастовка по каждому конкретному поводу — это первый шаг. Нам нужно наладить обмен информацией для того, чтобы мы могли добиваться того же, чего уже добились рабочие других заводов. Мы все, на всех заводах должны держать один и тот же курс.

А дальше — шаг второй. Внутрихозяевая солидарность в поддержку справедливых требований. Солидарность различных предприятий по вопросам благоустройства районов, развития транспортной сети, больничного обмена информацией, нужна серьезная организационная работа.

С самого начала борьбы, как только проявят себя первые лидеры этой борьбы, мы должны обратить самое

серьезное внимание на профсоюзную работу. Это сейчас наши профсоюзы, как тяжелобольной, не в силах поднять никакую работу, кроме распределения путевок, да и то по указке Администрации. Мы должны завоевать профсоюзы, мы должны выдвинуть туда наших лидеров, людей, способных в борьбе с Администрацией бескомпромиссно, не входя в положение, защищать интересы рабочих. И тогда профсоюзы опять начнут работать по-ленински, тогда они снова станут школой коммунизма, как это записано на каждой странице профсоюзного билета. Мы должны продвигать наших лидеров в самые высшие профсоюзные органы и постоянной готовностью к массовым забастовкам оберегать их от расправы Администрации, от репрессий, к которым допускает, чтобы хотя бы кто-то защищил нас российские Сакко и Ванцетти.

И еще мы должны помнить, что кроме борьбы за всеобщую пролетарскую организацию, нам предстоит работа по созданию стержня, направляющего нашу борьбу, по созданию узкой пролетарской организации, координирующей нашу деятельность. Это должен быть мозговой центр и первая система всего рабочего класса. В этой организации должны объединиться самые передовые силы, способные дать верную оценку любой ситуации, найти верное направление борьбы, подготовить силы для удара. Рабочему классу нужна большевистская партия.

Это она должна обеспечить обмен важнейшей информацией о ходе пролетарской борьбы на всех участках. Ей нужна своя печать, не контролируемая Администрацией, свои корреспонденты и курьеры.

Это она должна анализировать наши победы и неудачи, наши сильные и слабые стороны и делать по-марксистски точные выборы, и вести работу по укреплению всего фронта борьбы.

Это она должна определить цели нашей борьбы на каждом этапе, должна выдвигать все новые и новые вопросы, должна определить слабости в лагере Администрации и вести нас на прорыв. Это она должна связать, спленигировать нашу борьбу единством мысли и действий.

Это она должна противопоставить казенному "марксизму" Администрации свой по-настоящему марксистский анализ жизни нашего общества. Она должна разоблачить лживость теории официальной и вернуть нам марксизм подлинный, не боящийся самых глупых явлений действительности называть точными именами.

Это она должна давать нам уроки марксистской политграмоты, должна отучить нас от дурной, воспитанной в нас Администрацией привычки отдавать теорию как пустую болтовню от практики, и к которой развивающаяся Администрацией "теория", естественно, не имеет никакого отношения. Она должна неустанно доказывать нам, что подлинно марксистская теория и практика борьбы за рабочие интересы всегда неразрывны, всегда составляют единое целое, усиливая друг друга.

Это она должна вести и поднимать нас от борьбы за экономической победе в борьбе политической, в борьбе за возвращение власти пролетариата. Она должна выделить этапы борьбы и выдвигать политические цели каждого этапа.

Мы должны отдавать себе отчет в том, что именно на

середине внимания на профсоюзную работу. Это сейчас наши профсоюзы, как тяжелобольной, не в силах поднять никакую работу, кроме распределения путевок, да и то по указке Администрации. Мы должны завоевать профсоюзы, мы должны выдвинуть туда наших лидеров, людей, способных в борьбе с Администрацией бескомпромиссно, не входя в положение, защищать интересы рабочих. И тогда профсоюзы опять начнут работать по-ленински, тогда они снова станут школой коммунизма, как это записано на каждой странице профсоюзного билета. Мы должны продвигать наших лидеров в самые высшие профсоюзные органы и постоянной готовностью к массовым забастовкам оберегать их от расправы Администрации, от репрессий, к которым допускает, чтобы хотя бы кто-то защищил нас российские Сакко и Ванцетти.

И еще мы должны помнить, что кроме борьбы за всеобщую пролетарскую организацию, нам предстоит работа по созданию стержня, направляющего нашу борьбу, по созданию узкой пролетарской организации, координирующей нашу деятельность. Это должен быть мозговой центр и первая система всего рабочего класса. В этой организации должны объединиться самые передовые силы, способные дать верную оценку любой ситуации, найти верное направление борьбы, подготовить силы для удара. Рабочему классу нужна большевистская партия.

Это она должна обеспечить обмен важнейшей информацией о ходе пролетарской борьбы на всех участках. Ей нужна своя печать, не контролируемая Администрацией, свои корреспонденты и курьеры.

Это она должна анализировать наши победы и неудачи, наши сильные и слабые стороны и делать по-марксистски точные выборы, и вести работу по укреплению всего фронта борьбы.

Это она должна определить цели нашей борьбы на каждом этапе, должна выдвигать все новые и новые вопросы, должна определить слабости в лагере Администрации и вести нас на прорыв. Это она должна связать, спленигировать нашу борьбу единством мысли и действий.

Это она должна противопоставить казенному "марксизму" Администрации свой по-настоящему марксистский анализ жизни нашего общества. Она должна разоблачить лживость теории официальной и вернуть нам марксизм подлинный, не боящийся самых глупых явлений действительности называть точными именами.

Это она должна давать нам уроки марксистской политграмоты, должна отучить нас от дурной, воспитанной в нас Администрацией привычки отдавать теорию как пустую болтовню от практики, и к которой развивающаяся Администрацией "теория", естественно, не имеет никакого отношения. Она должна неустанно доказывать нам, что подлинно марксистская теория и практика борьбы за рабочие интересы всегда неразрывны, всегда составляют единое целое, усиливая друг друга.

Это она должна вести и поднимать нас от борьбы за экономической победе в борьбе политической, в борьбе за возвращение власти пролетариата. Она должна выделить этапы борьбы и выдвигать политические цели каждого этапа.

Мы должны отдавать себе отчет в том, что именно на

способен выполнить одно количество работы, а завтра другое — большее или меньшее. Способность не есть нечто незыблемое, она зависит от многих факторов. Скажем, в критических обстоятельствах один способен горы своротить, проделать гораздо большую работу, чем в обычных условиях, у другого, наоборот — все валятся из положения, защищать интересы рабочих. И тогда профсоюзы опять начнут работать по-ленински, тогда они снова станут школой коммунизма, как это записано на каждой странице профсоюзного билета. Мы должны продвигать наших лидеров в самые высшие профсоюзные органы и постоянной готовностью к массовым забастовкам оберегать их от расправы Администрации, от репрессий, к которым допускает, чтобы хотя бы кто-то защищил нас российские Сакко и Ванцетти.

И еще мы должны помнить, что кроме борьбы за всеобщую пролетарскую организацию, нам предстоит работа по созданию стержня, направляющего нашу борьбу, по созданию узкой пролетарской организации, координирующей нашу деятельность. Это должен быть мозговой центр и первая система всего рабочего класса. В этой организации должны объединиться самые передовые силы, способные дать верную оценку любой ситуации, найти верное направление борьбы, подготовить силы для удара. Рабочему классу нужна большевистская партия.

Это она должна обеспечить обмен важнейшей информацией о ходе пролетарской борьбы на всех участках. Ей нужна своя печать, не контролируемая Администрацией, свои корреспонденты и курьеры.

Это она должна анализировать наши победы и неудачи, наши сильные и слабые стороны и делать по-марксистски точные выборы, и вести работу по укреплению всего фронта борьбы.

Это она должна определить цели нашей борьбы на каждом этапе, должна выдвигать все новые и новые вопросы, должна определить слабости в лагере Администрации и вести нас на прорыв. Это она должна связать, спленигировать нашу борьбу единством мысли и действий.

Это она должна противопоставить казенному "марксизму" Администрации свой по-настоящему марксистский анализ жизни нашего общества. Она должна разоблачить лживость теории официальной и вернуть нам марксизм подлинный, не боящийся самых глупых явлений действительности называть точными именами.

Это она должна давать нам уроки марксистской политграмоты, должна отучить нас от дурной, воспитанной в нас Администрацией привычки отдавать теорию как пустую болтовню от практики, и к которой развивающаяся Администрацией "теория", естественно, не имеет никакого отношения. Она должна неустанно доказывать нам, что подлинно марксистская теория и практика борьбы за рабочие интересы всегда неразрывны, всегда составляют единое целое, усиливая друг друга.

Это она должна вести и поднимать нас от борьбы за экономической победе в борьбе политической, в борьбе за возвращение власти пролетариата. Она должна выделить этапы борьбы и выдвигать политические цели каждого этапа.

Мы должны отдавать себе отчет в том, что именно на

способен выполнить одно количество работы, а завтра другое — большее или меньшее. Способность не есть нечто незыблемое, она зависит от многих факторов. Скажем, в критических обстоятельствах один способен горы своротить, проделать гораздо большую работу, чем в обычных условиях, у другого, наоборот — все валяются из положения, защищать интересы рабочих. И тогда профсоюзы опять начнут работать по-ленински, тогда они снова станут школой коммунизма, как это записано на каждой странице профсоюзного билета. Мы должны продвигать наших лидеров в самые высшие профсоюзные органы и постоянной готовностью к массовым забастовкам оберегать их от расправы Администрации, от репрессий, к которым допускает, чтобы хотя бы кто-то защищил нас российские Сакко и Ванцетти.

И еще мы должны помнить, что кроме борьбы за всеобщую пролетарскую организацию, нам предстоит работа по созданию стержня, направляющего нашу борьбу, по созданию узкой пролетарской организации, координирующей нашу деятельность. Это должен быть мозговой центр и первая система всего рабочего класса. В этой организации должны объединиться самые передовые силы, способные дать верную оценку любой ситуации, найти верное направление борьбы, подготовить силы для удара. Рабочему классу нужна большевистская партия.

Это она должна обеспечить обмен важнейшей информацией о ходе пролетарской борьбы на всех участках. Ей нужна своя печать, не контролируемая Администрацией, свои корреспонденты и курьеры.

Это она должна анализировать наши победы и неудачи, наши сильные и слабые стороны и делать по-марксистски точные выборы, и вести работу по укреплению всего фронта борьбы.

Это она должна определить цели нашей борьбы на каждом этапе, должна выдвигать все новые и новые вопросы, должна определить слабости в лагере Администрации и вести нас на прорыв. Это она должна связать, спленигировать нашу борьбу единством мысли и действий.

Это она должна противопоставить казенному "марксизму" Администрации свой по-настоящему марксистский анализ жизни нашего общества. Она должна разоблачить лживость теории официальной и вернуть нам марксизм подлинный, не боящийся самых глупых явлений действительности называть точными именами.

Это она должна давать нам уроки марксистской политграмоты, должна отучить нас от дурной, воспитанной в нас Администрацией привычки отдавать теорию как пустую болтовню от практики, и к которой развивающаяся Администрацией "теория", естественно, не имеет никакого отношения. Она должна неустанно доказывать нам, что подлинно марксистская теория и практика борьбы за рабочие интересы всегда неразрывны, всегда составляют единое целое, усиливая друг друга.

Это она должна вести и поднимать нас от борьбы за экономической победе в борьбе политической, в борьбе за возвращение власти пролетариата. Она должна выделить этапы борьбы и выдвигать политические цели каждого этапа.

Мы должны отдавать себе отчет в том, что именно на

способен выполнять одно количество работы, а завтра другое — большее или меньшее. Способность не есть нечто незыблемое, она зависит от многих факторов. Скажем, в критических обстоятельствах один способен горы своротить, проделать гораздо большую работу, чем в обычных условиях, у другого, наоборот — все валяются из положения, защищать интересы рабочих. И тогда профсоюзы опять начнут работать по-ленински, тогда они снова станут школой коммунизма, как это записано на каждой странице профсоюзного билета. Мы должны продвигать наших лидеров в самые высшие профсоюзные органы и постоянной готовностью к массовым забастовкам оберегать их от расправы Администрации, от репрессий, к которым допускает, чтобы хотя бы кто-то защищил нас российские Сакко и Ванцетти.

И еще мы должны помнить, что кроме борьбы за всеобщую пролетарскую организацию, нам предстоит работа по созданию стержня, направляющего нашу борьбу, по созданию узкой пролетарской организации, координирующей нашу деятельность. Это должен быть мозговой центр и первая система всего рабочего класса. В этой организации должны объединиться самые передовые силы, способные дать верную оценку любой ситуации, найти верное направление борьбы, подготовить силы для удара. Рабочему классу нужна большевистская партия.

Это она должна обеспечить обмен важнейшей информацией о ходе пролетарской борьбы на всех участках. Ей нужна своя печать, не контролируемая Администрацией, свои корреспонденты и курьеры.

Это она должна анализировать наши победы и неудачи, наши сильные и слабые стороны и делать по-марксистски точные выборы, и вести работу по укреплению всего фронта борьбы.

Это она должна определить цели нашей борьбы на каждом этапе, должна выдвигать все новые и новые вопросы, должна определить слабости в лагере Администрации и вести нас на прорыв. Это она должна связать, спленигировать нашу борьбу единством мысли и действий.

Это она должна противопоставить казенному "марксизму" Администрации свой по-настоящему марксистский анализ жизни нашего общества. Она должна разоблачить лживость теории официальной и вернуть нам марксизм подлинный, не боящийся самых глупых явлений действительности называть точными именами.

Это она должна давать нам уроки марксистской политграмоты, должна отучить нас от дурной, воспитанной в нас Администрацией привычки отдавать теорию как пустую болтовню от практики, и к которой развивающаяся Администрацией "теория", естественно, не имеет никакого отношения. Она должна неустанно доказывать нам, что подлинно марксистская теория и практика борьбы за рабочие интересы всегда неразрывны, всегда составляют единое целое, усиливая друг друга.

Это она должна вести и поднимать нас от борьбы за экономической победе в борьбе политической, в борьбе за возвращение власти пролетариата. Она должна выделить этапы борьбы и выдвигать политические цели каждого этапа.

Мы должны отдавать себе отчет в том, что именно на

способен выполнять одно количество работы, а завтра другое — большее или меньшее. Способность не есть нечто незыблемое, она зависит от многих факторов. Скажем, в критических обстоятельствах один способен горы своротить, проделать гораздо большую работу, чем в обычных условиях, у другого, наоборот — все валяются из положения, защищать интересы

Новое оборудование годами лежит нераспакованное. А потом его режут автогеном, чтобы выполнить план по металлолому. Чем будет компенсирован труд изготавителей оборудования?

Строим крупнейший комбинат, старались уложиться в срок, тут же не до мелочей вроде противоложарных запасов, и станочник трудится всю смену, изготавливая деталь, которая, вообще-то, находится в массовом производстве и стоит копейки. Но ему-то будет заплачено рублями!

Вот тут обязательно найдутся желающие превратить наш разговор. "А что же вы хотите?" - скажут они. - Повалюм деталь не надо было делать? Надо было искать ту, выпускавшую, копеечную? А убытки от простой агрегата пусть себе растут? Да и сами поиски потребовали бы большого количества труда, чем изготовление детали. Нет уж, тут мы понимаем, что к чему. На курсах конкретной экономики постигли и превзошли!"

Ну что тут возразить? Придется согласиться - хотя бы на время. А значит, придется пересмотреть свою позицию. Но уж пересматривать так пересматривать!

А тогда получается, что прокладывать кабели проводки по оштукатуренным стенам все же разумнее и выгоднее, чем делать это после того, как стены будут еще покрашены. И грубы к учитазу проложить вог так, а не металлом, своевременно. Через несколько лет они проржавели бы, рассыпались в труху - и даже металлолома не осталось бы. Правда, со сторицей комбинатом так не получится. Но тут что? - пожар, стихия, от этого никто не застрахован. Впрочем, если бы он сторил на месяц позже, сторел бы еще месячный труд многотысячного коллектива.

Вот это - логика! Замечательная логика. С такой логикой не пропадешь и в огне не горишь - столько в ней непробиваемого оптимизма. А если и есть в ней дефект, то самый небольшой. Предполагает эта логика, всяко дело начинается с головотяпства, что в основе всегда лежит головотяпство, а счастье в том и состоит, чтобы хоть как-нибудь это головотяпство выявить. А ведь логика эта от практики идет! Привыкли мы к тому, привыкли настолько, что в рассуждениях уже не говорим, а само собой подразумеваем это

вариант рассматриваем разумный выход из этого вовсе неразумного положения. Мы и миримся с тем, что разумный порядок работ по ряду причин обязательно будет нарушен. Мы сами создаем неразумные ситуации, выход из которых нам дается дорогой ценой...

Мы? Да полно, мы ли? Плотник, щофер, литейник, слесарь, сварщик. Да в какой мере все это зависит от вас? И с какой стапи вам принимать ответственность на себя? Нет, не мы в этом виновны, не мы! Откуда знать асфальтировщику, что завтра его работу взломают, чтобы проложить трубы? Откуда знать автогеннику, что он режет готовые к работе станки, а не дефектную продукцию,

эксплуатация которой строжайше запрещена, просто опасна? И как постичь монтажнику, что ему не поручили монтаж противопожарных устройств, хотя они нужны изоготовителям?

Избавившись от контроля пролетариата, от ответственности перед ним, они одновременно избавились и от его поддержки. Наша верхушка давно уже утратила связь с рабочим классом, она оторвалась от народа вместе со всей Администрацией. А раз она выдвигается Администрацией, она и вынуждена служить Администрации, к каким бы катастрофическим последствиям это не вело бы.

Так может быть, Администрация в целом постараётся избавиться от катастрофы? Нет, такой цели Администрация поставить не может. Поэтому что такая цель требует консолидации, требует единства, которого в обстановке мелкобуржуазной борьбы быть не может. Мы уже говорили о том, что Администрация выступает как единое целое только в своем противостоянии пролетариату.

Если бы верха в этих условиях вознамерились предпринять какие-либо реальные меры - а реальность их только тем и может быть обеспечена, что они будут направлены против Администрации, будут ползваться мелкобуржуазные интересы Администрации во имя интересов пролетариата - так вот, если верхушка вознамерилась такие меры провести, то Администрация просто смешила бы верхушку. Иного конца в существующих условиях не может быть ни у каких благих намерений верхушки.

По крайней мере в глазах более высокой администрации. А это значит, во-вторых, что виновный ничем не хуже других администраторов - ведь его же не выводят из их среды.

А, в-третьих, - и это для нас самое главное - тем самым бесхозяйственность признается вполне простильной, почти что узаконенной.

И вот ведь какие дива дивные! Налицо тысячи преступлений. Налицо величественные доказательства в виде так или иначе загубленного человеческого труда. Масса людей через различные контрольные органы вовлечены в расследование этих преступлений. Печатью обеспечивается широкая гласность...

А виновные - не виновны. Не виновны, и все тут! Судить некого. Наказания носят даже не условный, а откровенно фиктивный характер.

Виноваты во всем обстоятельства, виноваты во всем обективные причины. Те самые, которые мы же и создаем. Вот так. Вот так нам морочат голову. Не скрывая безобразных фактов. Выставляя на всеобщее обозрение нерадивых (или просто несчастливых) администраторов.

Ну какая великоклассная демократия!

Уважаемые товарищи трудалися!

Вы все можете:

- участвовать в народном контроле,
- исследовать любые факты и материалы,
- искать виновных,
- вскрывать причины.

И пока вы этим занимаетесь, пока душу

вымывают из того или иного администратора, кое-кто может спать спокойно. Потому, что виновных вы не найдете. Потому что никаких причин не вскроете.

В чем же дело? Чтобы это понять, мы рассмотрим

пытаются предпринять. И все - вступую. Ничего для того, чтобы приостановить развитие критической ситуации, они провести принципиально не могут.

Избавившись от контроля пролетариата, от ответственности перед ним, они одновременно избавились и от его поддержки. Наша верхушка давно уже утратила связь с рабочим классом, она оторвалась от народа вместе со всей Администрацией. А раз она выдвигается Администрацией, она и вынуждена служить Администрации, к каким бы катастрофическим последствиям это не вело бы.

Да? Да, или нет? Верха весьма активны, они многое

пытаются предпринять. И все - вступую. Ничего для того, чтобы

противоположную сторону и продолжает грабить и разорять позарез?

И потому Администрация боится нас. Она готова

принести в жертву и административного стрелочника -

сторублевого инженера, и первого секретаря ЦК, и кого

от него поддержки. А раз она выдвигается Администрацией, она

и вынуждена служить Администрации, к каким бы

катастрофическим последствиям это не вело бы.

Администрация боится банкротства. Она боится, что если мы

противостоим счет за все наши потери по адресу, то есть именно

административной, расплачивающаяся ей будет нечем.

Именно это мы и должны сделать!

Мы должны предпринять свой счет.

Мы должны, наконец, понять, что хозяева - мы, как бы

беззастенчиво ни грахи нас назначенный пами управляющий.

Предъявить наш счет непросто. Администрация

противостоит нам своей большой развязившейся гулкой - любой

наш единичный протест для нее не страшнее комариного укуса.

Рабочий класс силен тогда, когда он организован.

Администрация организована против нас. Мы должны создать

более мощную организацию.

Делать мы это умеем.

Мы и делаем это - пока по мелочам. Щеха и цепые

преприятия откликются забастовками на внезапное

повышение норм, снижение расценок. Каждый из нас либо

участвовал в таких забастовках, либо слышал о них.

Администрации немедленно отступает. Нет, это ей еще

не страшно, но она боится как бы не попал кругой разговор.

Забастовка, стачка - главное наше оружие. Но мы

разучились им пользоваться. Мы только хватаемся за рукоять,

как Администрация уже спешит нас успокоить, уступает нам

по наклонной плоскости, то есть медленно, но неуклонно и

самым естественным путем катится к капитализму, в лапы

самой черной реакции. И совсем не случайно то, что

капиталисты (которых мы называем общественно-опасными

преступниками, то уважаемыми людьми - в зависимости от

проявления их буржуазных склонностей) растут у нас, как

гробы теплой осени.

Как бы ни расхваливали капитализм западные

радиостанции и наши свихнувшиеся диссиденты, как бы ни

мечтали о нем наилуче наилуче и удачливые наши

администраторы - рабочим, кроме закабаления и жесточайшей

эксплуатации на долгие годы, капитализм ничего не готовит.

А к восстановлению пролетарской власти наше

общество само по себе прийти не может. Для этого требуется

наши усилия, усилия всего пролетариата и передовой

беспокойной интеллигенции, которая хочет служить

пролетариату, а не буржуазии.

Администрация живет вольготно. Администрация

спокойно может заниматься своей мышлой возней только

потому, что сумела оглушить нас громкими фразами о

развитии марксизма и ленинским стилем, завязать нам глаза

альмы полгнищами с самыми прекрасными лозунгами.

Администрация вольна грабить нас и грабить грабить.

Забастовки по поводу снижения расценок - это лишь

малый шаг. Они стихийны, в них рождаются лишь самые

затяжки организации. Но эти затяжки надо поддерживать, их

бороться и крепить наше единство. Нам ничего не отдалут без

борьбы, но мы должны выступить против организованной

Администрации - пролетарской организацией. Борьба без

организации - это комариный писк. Организация же

формируется только в борьбе.

Забастовки по поводу снижения расценок - это лишь

стесняемся применить оружие против того, кто обобрал нас

до нитки? Мы еще и благодарны грабителю за то, что он вернул

нам лоскуток, чтобы прикрыть нашу наготу.

Борьба и организованность - вот что нам нужно.

Забастовка, стачка - главное наше оружие. Но мы должны

разучились им пользоваться. Мы только хватаемся за

рукоять, формируемся только в борьбе.

Забастовки по поводу снижения расценок - это лишь

стесняемся применить оружие против того, кто обобрал нас

до нитки? Мы еще и благодарны грабителю за то, что он вернул

нам лоскуток, чтобы прикрыть нашу наготу.

Борьба и организованность - вот что нам нужно.

Забастовка, стачка - главное наше оружие. Но мы должны

разучились им пользоваться. Мы только хватаемся за

рукоять, формируемся только в борьбе.

Забастовки по поводу снижения расценок - это лишь

стесняемся применить оружие против того, кто обобрал нас

до нитки? Мы еще и благодарны грабителю за то, что он вернул

нам лоскуток, чтобы прикрыть нашу наготу.

Борьба и организованность - вот что нам нужно.

Забастовка, стачка - главное наше оружие. Но мы должны

разучились им пользоваться. Мы только хватаемся за

рукоять, формируемся только в борьбе.

Забастовки по поводу снижения расценок - это лишь

стесняемся применить оружие против того, кто обобрал нас

до нитки? Мы еще и благодарны грабителю за то, что он вернул

нам лоскуток, чтобы прикрыть нашу наготу.

производительности труда, которая не закабалает рабочего, а позволяет сократить рабочий день и выделить больше средств на дело культурного развития, на дело раскрытия творческих, созидательных способностей трудающихся.

Для этого нам нужна иная Администрация, способная решать те задачи, которые, кроме нее, решать некому. Нам нужна Администрация, способная служить интересам пролетариата и за страх и за совесть. Сначала, может быть, больше за страх. Потом, видимо, все больше за совесть.

Но что нам нужно в первую голову - так это настоящую пролетарскую власть.

А с этим дело обстоит совсем не просто. После Октябрьской революции власть в нашей стране безусловно была пролетарской. А дальше? А теперь? Перехождение произошло на наших глазах, а мы не заметили как. В Верховном Совете сидят полтысячи рабочих - и только руки поднимают. По команде и единогласно.

Надо восстановить пролетарскую власть. Но этого мало. Нам надо удержать ее. И не от врагов оборонить - это мы умеем - а удержать ее от переожждения, от мелкобуржуазной ржавчины, разъедающей ее изнутри. Без Администрации нам не обойтись - но это должна быть наша, нам подчиненная и нам служащая Администрация от всяких буржуазных вывертов застрахованная.

Гарантия тут может быть только одна: личная ответственность и контроль, контроль, контроль. Контроль снизу, контроль равных. Но самое главное - контроль сверху, контроль по фактическим результатам деятельности. А чтобы это не было фикцией, чтобы это действительно осуществлялось - под самый жестокий наш контроль должен быть взят самый верх.

Мы должны чувствовать себя хозяевами, должны восстановить недостающее звено в административной цепочке. А это значит, нам нужны не только люди, способные возглавлять Администрацию сегодня, но и другие люди - люди, пристально анализирующие деятельность Администрации, не прощающие ей просчетов, подвергшие беспощадной критике каждый шаг Администрации.

Пусть не всегда эта критика будет состоятельна - мы сами сумеем разобраться что к чему. Но пусть эта критика всегда будет доступна для широкого обсуждения. Именно при столкновении критических взглядов будет рождаться обоснованная оценка и будут рождаться, формировать свою позицию те, кому мы доверяем, возглавлять Администрацию завтра, кому придется устранять накопившиеся недочеты и перестраивать всю систему в соответствии с задачами завтрашнего дня.

Что сейчас? Несколько раз в год нам предстоит

"гениальные" решения и руководящие указания верхушки.

Изредка выдают разгромную критику в адрес тех, кого

уже нет у власти. Никакой обмен мнениями не

предусмотрен - поэтому никому напоминанию

мнению не суждено сформироваться. Существует только спущенное сверху единодушное "Одобряем!" Кто не согласен - того не слышно.

Что должно быть? К нам должны идти идеи и

решения настолько новые, передовые, что их трудно понять сразу, настолько правильные, марксистские, что их нельзя не принять в конце концов. Это и должно отражаться в нашем мнении. Ошибки должны называться ошибками. Те, которые можно простить, мы простим: кто мог заранее на основе глубокого понимания марксизма эти ошибки предсказать, тех, кто сразу рекомендовал более верный путь - мы должны видеть, мы должны искать среди них новых лидеров, способных вести нас вперед и дальше.

Только при таком положении вещей, только при такой расстановке сил рабочий класс получает гарантию своих хозяйственных прав, получает возможность справиться и всегда справляться с неугомонно возникающим в администрации среде мелкобуржуазным разбродом.

И речь здесь идет не о простой отмене цензуры и допуске на страницы нашей печати критических высказываний. Нет, кроме пустой псевдокритической ругани да протаскивания буржуазной пропаганды, это ничего не породило бы. Только реструктурика всей структуры Администрации, только организованный пролетариатом контроль над Администрацией, и над администрацией в ее адрес может обеспечить нам абсолютно необходимые для дальнейшего движения условия и результаты.

А теперь мы вынуждены поставить перед собой новую серию вопросов.

Как добиться желаемого положения? Какие организационные формы нам нужны? Какими документами и в каких формулировках должны быть хозяевами своей страны, быть хозяином фактической, а не номинальной? Что должно быть сделано, чтобы пролетарский контроль стал практикой нашей жизни, а не красивой фразой? Как поступить с Администрацией теперешней и где взять Администрацию будущего?

Вопросов много. Пока они останутся без ответа. Не потому, что эти вопросы неразрешимы или чрезвычайно трудны, а потому, что ответ на них должен быть конкретен, как приказ. А конкретный ответ зависит от той конкретной обстановки, в которой пролетариат сумеет вернуть себе власть.

Вернуть власть - вот главная проблема на сегодня. Пролетариат силен, но не организован, а противостоящему ему организованная Администрация.

Нам предстоит борьба начать, нам предстоит в ходе борьбы организоваться, нам предстоит организованно одержать победу. Нам предстоит эту победу закрепить и так закрепить, чтобы в будущем права пролетариата не зависели от личных качеств администраторов.

Вот так и мы, когда мы пытаемся найти виновника конкретного преступления, когда мы берем на присел конкретного администратора, мы почти неизбежно приходим к тому, что его действия продиктованы объективными причинами - инструкциями, решениями и действиями, предпринимаемыми кем-то и когда-то и совершенно ни нам, ни этому администратору недоступными. Когда нам говорят: да, творится безобразие, помогите нам найти конкретного виновника, укажите ими и фамилию и мы его примем накажем - это ложь.

КУЛАК

- Ну ты-то хоть бил?

Или и ты тоже не при чем?

- Да, можно сказать, что и не бил,

- я вообще это дело не люблю.

Кому-то удовольствие, а у меня все kostочки болят. Но куда мне было деваться, если меня локоть двигал? Я и рад бы увернуться, да как тут увернешься: я с этим локтем суставом навеки связан.

Напали на локоть. Локоть все и объяснил.

- Вот ноги идут. Если они муравьи, к примеру,

раздавят - какой с них спрос?

Они свое дело делают, они

про муравьев и знать не знают. А я и за себя и за всю руку могу сказать. Вон у нее сколько шарниров всяких. А для чего? Для того, чтобы двигаться могла во все стороны, такая у нее, значит, задача. Думать ей - и никогда, и нечем, она двигаться-то едва успевает. Если ты далеко, она тебя и не достанет. А вблизь-то зачем соваться под самое движение?

Крепко задумался судья. Крепко задумался и решил: потерпевшего примерно наказать, чтоб в другой раз под руку не попадался.

Бот так и мы, когда мы пытаемся найти виновника конкретного преступления, когда мы берем на присел конкретного администратора, мы почти неизбежно приходим к тому, что его действия продиктованы объективными причинами - инструкциями, решениями и действиями, предпринимаемыми кем-то и когда-то и совершенно ни нам, ни этому администратору недоступными. Когда нам говорят: да, творится безобразие, помогите нам найти конкретного виновника, укажите ими и фамилию и мы его примем накажем - это ложь.

ГЛАВА 2

КОГО СПРОСИТЬ?

- Ну ты-то хоть бил?

Или и ты тоже не при чем?

- Да, можно сказать, что и не бил,

- я вообще это дело не люблю.

Кому-то удовольствие, а у меня все kostочки болят. Но куда мне было деваться, если меня локоть двигал? Я и рад бы увернуться, да как тут увернешься: я с этим локтем суставом навеки связан.

Напали на локоть. Локоть все и объяснил.

- Вот ноги идут. Если они муравьи, к примеру,

раздавят - какой с них спрос?

Они свое дело делают, они

про муравьев и знать не знают. А я и за себя и за всю руку могу сказать. Вон у нее сколько шарниров всяких. А для чего? Для того, чтобы двигаться могла во все стороны, такая у нее, значит, задача. Думать ей - и никогда, и нечем, она двигаться-то едва успевает. Если ты далеко, она тебя и не достанет. А вблизь-то зачем соваться под самое движение?

Крепко задумался судья. Крепко задумался и решил:

потерпевшего примерно наказать, чтоб в другой раз под руку не попадался.

Бот так и мы, когда мы пытаемся найти виновника конкретного преступления, когда мы берем на присел конкретного администратора, мы почти неизбежно приходим к тому, что его действия продиктованы объективными причинами - инструкциями, решениями и действиями, предпринимаемыми кем-то и когда-то и совершенно ни нам, ни этому администратору недоступными. Когда нам говорят: да, творится безобразие, помогите нам найти конкретного виновника, укажите ими и фамилию и мы его примем накажем - это ложь.

ГЛАВА 2

КОГО СПРОСИТЬ?

- Ну ты-то хоть бил?

Или и ты тоже не при чем?

- Да, можно сказать, что и не бил,

- я вообще это дело не люблю.

Кому-то удовольствие, а у меня все kostочки болят. Но куда мне было деваться, если меня локоть двигал? Я и рад бы увернуться, да как тут увернешься: я с этим локтем суставом навеки связан.

Напали на локоть. Локоть все и объяснил.

- Вот ноги идут. Если они муравьи, к примеру,

раздавят - какой с них спрос?

Они свое дело делают, они

про муравьев и знать не знают. А я и за себя и за всю руку могу сказать. Вон у нее сколько шарниров всяких. А для чего? Для того, чтобы двигаться могла во все стороны, такая у нее, значит, задача. Думать ей - и никогда, и нечем, она двигаться-то едва успевает. Если ты далеко, она тебя и не достанет. А вблизь-то зачем соваться под самое движение?

Крепко задумался судья. Крепко задумался и решил:

потерпевшего примерно наказать, чтоб в другой раз под руку не попадался.

Бот так и мы, когда мы пытаемся найти виновника конкретного преступления, когда мы берем на присел конкретного администратора, мы почти неизбежно приходим к тому, что его действия продиктованы объективными причинами - инструкциями, решениями и действиями, предпринимаемыми кем-то и когда-то и совершенно ни нам, ни этому администратору недоступными. Когда нам говорят: да, творится безобразие, помогите нам найти конкретного виновника, укажите ими и фамилию и мы его примем накажем - это ложь.

ГЛАВА 2

КОГО СПРОСИТЬ?

- Ну ты-то хоть бил?

Или и ты тоже не при чем?

- Да, можно сказать, что и не бил,

- я вообще это дело не люблю.

Кому-то удовольствие, а у меня все kostочки болят. Но куда мне было деваться, если меня локоть двигал? Я и рад бы увернуться, да как тут увернешься: я с этим локтем суставом навеки связан.

Напали на локоть. Локоть все и объяснил.

- Вот ноги идут. Если они муравьи, к примеру,

раздавят - какой с них спрос?

Они свое дело делают, они

про муравьев и знать не знают. А я и за себя и за всю руку могу сказать. Вон у нее сколько шарниров всяких. А для чего? Для того, чтобы двигаться могла во все стороны, такая у нее, значит, задача. Думать ей - и никогда, и нечем, она двигаться-то едва успевает. Если ты далеко, она тебя и не достанет. А вблизь-то зачем соваться под самое движение?

Крепко задумался судья. Крепко задумался и решил:

потерпевшего примерно наказать, чтоб в другой раз под руку не попадался.

Бот так и мы, когда мы пытаемся найти виновника конкретного преступления, когда мы берем на присел конкретного администратора, мы почти неизбежно приходим к тому, что его действия продиктованы объективными причинами - инструкциями, решениями и действиями, предпринимаемыми кем-то и когда-то и совершенно ни нам, ни этому администратору недоступными. Когда нам говорят: да, творится безобразие, помогите нам найти конкретного виновника, укажите ими и фамилию и мы его примем накажем - это ложь.

ГЛАВА 2

КОГО СПРОСИТЬ?

- Ну ты-то хоть бил?

Или и ты тоже не при чем?

- Да, можно сказать, что и не бил,

- я вообще это дело не люблю.

Кому-то удовольствие, а у меня все kostочки болят. Но куда мне было деваться, если меня локоть двигал? Я и рад бы увернуться, да как тут увернешься: я с этим локтем суставом навеки связан.

Напали на локоть. Локоть все и объяснил.

- Вот ноги идут. Если они муравьи, к примеру,

раздавят - какой с них спрос?

Они свое дело делают, они

про муравьев и знать не знают. А я и за себя и за всю руку могу сказать. Вон у нее сколько шарниров всяких. А для чего? Для того, чтобы двигаться могла во все стороны, такая у нее, значит, задача. Думать ей - и никогда, и нечем, она двигаться-то едва успевает. Если ты далеко, она тебя и не достанет. А вблизь-то зачем соваться под самое движение?

Крепко задумался судья. Крепко задумался и решил:

потерпевшего примерно наказать, чтоб в другой раз под руку не попадался.

Бот так и мы, когда мы пытаемся найти виновника конкретного преступления, когда мы берем на присел конкретного администратора, мы почти неизбежно приходим к тому, что его действия продиктованы объективными причинами - инструкциями, решениями и действиями, предпринимаемыми кем-то и когда-то и совершенно ни нам, ни этому администратору недоступными. Когда нам говорят: да, творится безобразие, помогите нам найти конкретного виновника, укажите ими и фамилию и мы его примем накажем - это ложь.

ГЛАВА 2

КОГО СПРОСИТЬ?

- Ну ты-то хоть бил?

А как он может этого добиться? Ведь пролетариат не может получить ничего сверх того, что он сам создал. Пролетариат не может обогатиться, присвоив чайку труда, потому что все материальные ценности только им и создаются. И никое увеличение зарплаты тут не поможет - на нее все равно будет приобрести только то, что создано - не больше и не меньше.

Значит, единственный путь к у довлетьорению интересов пролетариата состоит в увеличении производства материальных ценностей, то есть в повышении эффективности производства, в повышении производительности труда.

Еще осталось добавить: так трудитесь же, товариши, добросовестно и со старанием, в соответствии с моральным кодексом, и господь воздаст за труды ваши.

Красиво, не правда ли? Правда, слышны призымы разных эпох, но цена им одна и та же.

Потому что производительность вашего труда определена не вами. Она определяется общим уровнем развития производства, уровнем развития производительных сил и производственных отношений.

Производительные силы - это и научно-техническая оснащенность производства, и квалификация занятых в нем рабочих, и сознательность их отношения к труду.

Производственные отношения - это вся возникшая на базе общественной собственности на средства производства совокупность производственно-

экономических связей, это нормы и расценки, цены и зарплата, условия взаимодействия цехов и предприятий, планирования и исполнения. Словом, это весь механизм, организующий производство - как закрепленный в различных законодательных актах, инструкциях, предписаниях, так и непрерывно воплощаемых в практическом общении людей, и прежде всего, в деятельности Администрации.

И вот тут мы подошли к весьма важному для нас вопросу: зачем потребовалась и откуда взялась Администрация?

Завоевав власть, взяв в свои руки средства производства, пролетариат столкнулся с новой трудностью. Исклучая буржуазию, рассыпался созданный им аппарат для координации производства и оказалось, что заменить его нечем. Координация производства требует знаний и опыта таких знаний у пролетариата не было. Отсюда и НЭП - временная, но совершенно необходимая уступка капитализму, отсюда и борьба за ускоренную подготовку своих пролетарских административных кадров.

Но пролетариат нуждался в более совершенном аппарате, чем капиталистический. Вот какие требования пролетариат должен был предъявить создаваемой им Администрации:

1. Наполеонность на удовлетворение интересов пролетариата, то есть непрерывная борьба за максимально эффективное воплощение в материальных ценностях всего труда, вложенного пролетариатом в общественное производство.

2. Знание объективных законов, управляемых производством, непрерывное углубление этих знаний и применение их в административной работе с максимальным эффектом.

3. Накопление и совершенствование опыта

организационной работы, закрепление его путем формализации, передача этого опыта пролетариату, то есть подготовка к осуществлению административной работы силами самого пролетариата.

Такие требования должен был предъявить пролетариат. Но чтобы Администрация могла их принять, они должны были соответствовать ее собственным интересам.

Администрация, созданная пролетариатом, оформилась в нашем обществе как самостоятельная социальная группа со своими особенностями, интересами и весьма широкими возможностями влиять на все общество.

В основе социальных интересов Администрации лежат те же стремления к у довлетьорению материальных и культурных потребностей, что и у пролетариата. Есть и общий путь решения этой проблемы - всесмерное повышение производительности труда, но у Администрации есть и альтернативный вариант.

Администрация сама ничего не производит. Она получает за свою организационную деятельность долю тех материальных ценностей, которые созданы трудом пролетариата. Следовательно, благосостояние Администрации улучшается и в случае увеличения доли, получаемой администрацией, доли, приходящейся на каждого администратора в отдельности.

Так какой же путь избирает Администрация?

Но социальные законы непререкаемы, как и остальные законы природы. У пролетариата только один способ заставить Администрацию служить себе - это поставить ее в такие условия, чтобы невыполнение требований пролетариата - противоречило и собственным интересам Администрации.

Так все и строилось поначалу. Во главе стоял Ленин - мозг и голос пролетариата, гениальный выразитель его интересов. Основной контингент составляли люди, доказавшие свою бескорыстную преданность пролетарскому делу в революционной борьбе. Остальное было предоставлено рабочим от станка, которым к станку же предстояло и возвратиться.

В таком составе Администрация соответствовала требованиям пролетариата качественно, но ее было недостаточно количественно, чтобы взять на себя управление всем народным хозяйством, всеми делами страны. Потребовалось привлечь дополнительных сил, хотя бы в малейшей степени пригодных к работе в системе управления из среды пролетариата и интеллигенции. Приобретая необходимые размеры, Администрация теряла в качестве.

В последние дни жизни Ленина вопрос о создании эффективной системы управления пролетарским государством волновал его более всех остальных. В одной из последних работ "Лучше меньше, да лучше", созданной в 1923 году, у Ленина говорится: "Мы уже пять лет сустимся над улучшением нашего госаппарата, но это именно существо, которая за пять лет доказала лишь свою непригодность или даже свою бесполезность, или даже свою вредность. Как существо она давала нам видимость работы, на самом деле засоряя наши учреждения и наши мозги.

Надо наконец, чтобы это стало иначе"

мелкобуржуазность категорически мешает Администрации сплыть свои интересы воедино. Слияния на пролетарской классовой основе она не желает - не желает расставаться со своими мелкобуржуазными свободами и привилегиями. Слияния на основе капиталистической она боится, потому что боится немелленной расправы пролетариата. Вот и осталось у нее одно: крутивься в своем мелкобуржуазном раю, мороча пролетариату голову, доколе это будет возможно, заверениями в общности интересов.

Вот и получается, что нашим производством управляет субъект без единых интересов, то есть раздираемый противоречиями "администратор", которому место в доме умалилленных.

Наша Администрация может сколько угодно болтать об интересах пролетариата, о строительстве коммунизма, об эффективности производства - ничего этого она не желает и сделать не может.

Наша экономика давно уже находится на краю пропасти. Это чтобы хоть чуть-чуть отогнать ее, нужны общие комсомольские субботники, дополнительные, повышенные и всякие другие созабязательства - но спасения эти меры не несут. Администрация утешает себя надеждами на авось, хотя и видит, что увлекает наше общество в глуботайший кризис.

Ничего изменить Администрация не в силах. Кризис продолжает углубляться. И одним из вариантов его разрешения - реакционнейшим вариантом - является реставрация капитализма, которая отбросит нас на сотню лет назад, в самое гнусное прошлое. Пока все идет своим путем, именно эта опасность зреет в мелкобуржуазной административной среде, именно она становится все более реальной.

Положение нетерпимо. Опасность нарастает. Но это не безнадежно.

У пролетариата достаточно сил, чтобы взломать, чтобы изменить сложившееся положение, чтобы уничтожить растягивающую Администрацию, а через нее и все общество, условия. Надо только этим заняться, надо понять, как это делается, и сделать.

Так что же нам нужно?

Обратимся к Ленину. Начнем с одной очень известной статьи из статьи "Великий почин": "Производительность труда, это в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда." (Г. 39, с. 22). Вторую половину этого высказывания сейчас цитировать не любят. Получается одно из двух: либо Ленин ошибался, либо наша Администрация гнет не туда. Наш социализм, тот социализм, который мы имеем сейчас, обеспеченной производительностью труда породить не смог. И не сможет. Сейчас мы уже и по темпам роста производительности труда (3 - 4 % в год) не опережаем капиталистов - значит не дотронимся, и тем более, не перегоним.

А это значит, что доставшийся на напу дотло рабочий относится к труду с большей ответственностью социализм - не социализм вовсе, не настоящий еще социализм.

В докладе об очередных задачах Советской власти социалистической производительности труда. Той

"Да, тем, что мы свергли помещиков и буржуазию, мы расчистили почву, но не построили здание социализма. Ибо на расчищенной от одного буржуазного поколения почве постоянно в истории являются новые поколения, со своим мелкобуржуазными свободами и привилегиями. Слияния на основе капиталистической она боится, потому что боится немелленной расправы пролетариата. Вот и угодно. И те, кто смотрит на победу над капитализмом как смотрят мелкие собственники, - "Они урвали, дай-ка и я воспользуюсь", - ведь каждый из них является источником нового поколения буржуев". (т. 366 с. 261 - 262).

Вот в чем корень зла. Мелкобуржуазность не дает управляет субъект без единых интересов, то есть раздираемый противоречиями "администратор", которому нам подняться до высот социалистических. Сама же она до более совершенного империалистического капитализма подняться не может и обречена пластисти в хвосте. В капиталистических странах мелкая буржуазия выживает только за счет энергичности, она крутигся беспрерывно, получая пинки крупного капитала со всех сторон. У нас же, наша мелкобуржуазная Администрация просто погрязла в своей мышиной возне.

Нам этого терпеть нельзя. Нам нужен социализм настолько. Тот, который является первой фазой коммунизма. Тот, который обеспечивает беспредельный рост производительности труда.

Исподтишка нас попугивают: производительность труда - это работать больше надо. "Сегодня рекорд - завтра норма", - как пишут в газетах.

Так ли это?

А давайте смотреть по пунктам.

1. Если бы труд наш не пропадал, не уничижался, не расходовался зря, если бы каждая начатая вещь администрации стала бы это роста нашего народного

трудом - это работать больше надо. "Сегодня рекорд - завтра норма", - как пишут в газетах.

Так что же нам нужно?

Обратимся к Ленину. Начнем с одной очень известной статьи из статьи "Великий почин": "Производительность труда, это в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда." (Г. 39, с. 22). Вторую половину этого высказывания сейчас цитировать не любят. Получается одно из двух: либо Ленин ошибался, либо наша Администрация гнет не туда. Наш социализм, тот социализм, который мы имеем сейчас, обеспеченной производительностью труда породить не смог. И не сможет. Сейчас мы уже и по темпам роста производительности труда (3 - 4 % в год) не опережаем капиталистов - значит не дотронимся, и тем более, не перегоним.

А это значит, что доставшийся на напу дотло рабочий относится к труду с большей ответственностью социализм - не социализм вовсе, не настоящий еще социализм.

Вот мы и перечислили резервы создания новой

Это насквозь прогнивший капитализм все еще бьет нас по эффективности производства. Так почему же?

Давайте разберемся в организационных принципах администрации капиталистической. Рассмотрим положение администратора среднего уровня. Он бескрайне о том, чтобы подобрать хороших деловых подчиненных. Он старается организовать их работу решение в сфере своей деятельности. А почему? А потому что он сам готов рассчитать любого нерадивого подчиненного, потому что ему грозит такое же увольнение - стоит лишь вышестоящему администратору заметить его нерадивость. А почему это делает вышестоящий? Да потому что сам находится в таком же положении. А самый высший администратор? А самого высшего в случае чего выбгонит хозяин, владелец фирмы.

Ни один из них не может поступить иначе. Потому что капиталистическая фирма существует до тех пор, пока живет по закону извлечения максимальной прибыли. И провались в этом деле хотя бы одно звено, фирма рухнет, не выдержав конкуренции. Любое нарушение правил влечет неизбежную кару.

А у нас? А что у нас? Внешне - почти то же самое. Администратор, над ним еще администратор, и еще и еще - и так до самых высших. А над ними - хозяин, гегемон, рабочий класс.

Рабочий класс конкурентов не боится. Но в максимальной эффективности производства он заинтересован не меньше всяких капиталистов - это его кровный интерес. Очень похожая получается цепочка.

Если у капиталиста удаётся работа на одном участке, будет заменен администратор, отвечающий за этот участок. Если ухудшается работа сразу на многих участках - владелец уволит высшего администратора. Подберет другого - получше.

И у нас. Если на каком участке худо - администратора можно заменить. Если развал на многих участках, надо бы менять высшую администрацию...

И вот тут пролетариат - хозяин, гегемон, встает в тупик. Право на замену администрации у него есть. Но вот как этим правом распорядиться?

Право такое есть, но это право - фикция. Такая же фикция, как многие буржуазные права и свободы. Право-то оказывается липовое!

Фикция потому, что провести такую замену некем! Не то, чтобы их вовсе не было - кандидатов. Но чтобы подыскать кандидата найти, его надо выслушать, его надо проверить, его надо оценить. Так где он может высказаться, чтобы его услышал каждый рабочий, весь рабочий класс?

Вот так и оказывается, что не хватает в нашей цепочке одного важнейшего звена.

Не хватает звена, и не чувствует высший администратор никакой ответственности перед пролетариатом. О работе ему думать некогда и незачем, он хозяина не боится, а боится он совсем другого: как бы его нижестоящие ненароком не сковынули. И силы свои высший администратор тратит на то, чтобы от этого уберечься. И с нижестоящих он не работает требует - его и видимость работы устраивает. А требует поддержки, требует гарантии собственной безопасности. Для него те

подчиненные хороши, которые к его посту рвутся не будут, в его дела вмешиваться не захотят. Это и служит критерием подбора.

У нижестоящих - те же заботы. Да еще им надо, чтобы у вышестоящего не было причин для недовольства. Значит, ведимость работы должна быть хорошей, а поведение - верноподданническое...

И идет это по всей цепочке сверху донизу. А до дела никому нет дела. Производственные успехи тут не добрались до более жирного куска. И повод это не единственный, даже не главный. Умелый администратор может так развалить дело, что отвечать будут другие, а он пойдет на повышение.

Вот так-то, в таких условиях и решается судьба наших интересов.

Итак, если мы теперь сформулируем организационные принципы капиталистической производственной администрации, мы должны отметить:

- целью администрации является извлечение максимальной прибыли, что определено владельцем средств производства и является для него жизненной необходимости.

- путем достижения цели является участие всех звеньев администрации в рациональном определении конкретных задач каждого производственного участка.

Максимальный эффективности производства он заинтересован не меньше всяких капиталистов - это его кровный интерес. Очень похожая получается цепочка.

Если у капиталиста удаётся работа на одном участке, будет заменен администратор, отвечающий за этот участок. Если ухудшается работа сразу на многих участках - владелец уволит высшего администратора. Подберет другого - получше.

И у нас. Если на каком участке худо - администратора можно заменить. Если развал на многих участках, надо бы менять высшую администрацию...

И вот тут пролетариат - хозяин, гегемон, встает в тупик. Право на замену администрации у него есть. Но вот как этим правом распорядиться?

Право такое есть, но это право - фикция. Такая же фикция, как многие буржуазные права и свободы. Право-то оказывается липовое!

Фикция потому, что провести такую замену некем! Не то, чтобы их вовсе не было - кандидатов. Но чтобы подыскать кандидата найти, его надо выслушать, его надо проверить, его надо оценить. Так где он может высказаться, чтобы его услышал каждый рабочий, весь рабочий класс?

Вот так и оказывается, что не хватает в нашей цепочке одного важнейшего звена.

Не хватает звена, и не чувствует высший администратор никакой ответственности перед пролетариатом. О работе ему думать некогда и незачем, он хозяина не боится, а боится он совсем другого: как бы его нижестоящие ненароком не сковынули. И силы свои высший администратор тратит на то, чтобы от этого уберечься. И с нижестоящих он не работает требует - его и видимость работы устраивает. А требует поддержки, требует гарантии собственной безопасности. Для него те

подчиненные хороши, которые к его посту рвутся не будут, в его дела вмешиваться не захотят. Это и служит критерием подбора.

Опять вопросы.

Представляла ли партия со всей полнотой, каким требованиям должна удовлетворять создаваемая ею администрация? Искала ли партия пути к созданию полноценной пролетарской администрации? Какие трудности были преодолены и какие остались непреодоленными?

Какие объективные социальные законы управляли формированием и развитием администрации? В чем сущность администрации в наши дни? Каким социальным законам она подвластна? Какие тенденции этим определяются?

Сталин, будучи безусловно преданным идеям марксизма-ленинизма, хорошо знал, что власть капиталистической администрации, но обладающей меньшим, чем у Марксистской теории, но обладающей меньшим, чем у Ленина творческим потенциалом в деле практического применения теории, в деле изобретательского использования объективных законов для решения конкретных вопросов, все же предпринял ряд очень важных попыток, которые если и не решили проблемы создания пролетарской администрации, способствовали накоплению ценнейшего опыта в этом вопросе.

Но в то время задача создания администрации, полностью удовлетворяющей потребностям пролетариата, не была и не могла быть главной задачей. Партия и Сталин направляли свои усилия на создание работоспособного аппарата, хотя бы в минимальной степени пригодного к тому, чтобы принять хозяйство у НЭПа, чтобы покончить с мелкой и средней буржуазией в стране и завершить процесс экспроприации средств производства. Затягивать с ликвидацией НЭПа было нельзя категорически - существование буржуазии, развратающей, разъедающей государственный аппарат повсюду, где только удавалось, таило реальную угрозу реставрации капитализма.

Созданную администрацию надо было укреплять, а не переделывать. А когда она укрепилась, она стала весьма устойчивой к воздействиям, и переделывать, исправить что бы то ни было стало уже невозможным.

Что это означает? Что означает для нас?

Исторический путь нашей администрации можно представить в виде такой последовательности.

Сначала, в период формирования администрации пролетариат создавал ей условия, всемерно способствуя ее укреплению, и гораздо менее заботился об условиях ограничивающих администрацию - в смысле ее полного подчинения интересам пролетариата, - в основном полагаясь на пролетарскую сознательность администрации.

Администратор, узурпировавший права владельца фирмы, сам становится фактическим хозяином, сам заинтересован в извлечении максимума прибыли, следовательно, в пропагандии производства.

У нас даже этого нет.

Выступая по отношению к пролетариату как единое целое, как некий субъект, узурпировавший собственность пролетариата, наша администрация в другом, внутреннем отношении единым субъектом не является. Вся

организованность администрации служит только для того, чтобы от пролетариата отгородиться, а в своих внутренних делах она неоднородна, дезорганизована, подчинена законам мелкобуржуазной междуусобной борьбы. Эта

соответствует требованиям пролетариата, и в какой мере она этим требованиям противоречит?

Прежде всего, так же, как и пролетариат, администрация является ярой противницей капитализма.

Только, если пролетариат видит в буржуазии врага, администрация видит в ней опаснейшего конкурента, способного своей деловой активностью подорвать основы существования администрации.

Но администрация не имеет никаких причин противодействовать пролетариату в его стремлении всемерно развивать производство - это и в ее интересах.

Сложившаяся в нашей стране положение можно понимать так. У нас действительно ликвидирована частная собственность на средства производства, и установлена общественная собственность на пролетариату никаких демократических возможностей для практического контроля пролетариата администрации как единого целого.

И, наконец, администрация не оставила администрации надлежно оберегает себя как единое целое.

Администрация надлежно оберегает себя как единое целое.

Сложившееся в нашей стране положение можно понимать так. У нас действительно ликвидирована частная собственность на средства производства, и установлена общественная собственность на пролетариату никаких демократических возможностей для практического контроля пролетариата администрации как единого целого.

И, наконец, администрация не оставила администрации надлежно оберегает себя как единое целое.

Сложившееся в нашей стране положение можно понимать так. У нас действительно ликвидирована частная собственность на средства производства, и установлена общественная собственность на пролетариату никаких демократических возможностей для практического контроля пролетариата администрации как единого целого.

И, наконец, администрация не оставила администрации надлежно оберегает себя как единое целое.

Сложившееся в нашей стране положение можно понимать так. У нас действительно ликвидирована частная собственность на средства производства, и установлена общественная собственность на пролетариату никаких демократических возможностей для практического контроля пролетариата администрации как единого целого.

И, наконец, администрация не оставила администрации надлежно оберегает себя как единое целое.

Сложившееся в нашей стране положение можно понимать так. У нас действительно ликвидирована частная собственность на средства производства, и установлена общественная собственность на пролетариату никаких демократических возможностей для практического контроля пролетариата администрации как единого целого.

И, наконец, администрация не оставила администрации надлежно оберегает себя как единое целое.

Сложившееся в нашей стране положение можно понимать так. У нас действительно ликвидирована частная собственность на средства производства, и установлена общественная собственность на пролетариату никаких демократических возможностей для практического контроля пролетариата администрации как единого целого.

И, наконец, администрация не оставила администрации надлежно оберегает себя как единое целое.

Сложившееся в нашей стране положение можно понимать так. У нас действительно ликвидирована частная собственность на средства производства, и установлена общественная собственность на пролетариату никаких демократических возможностей для практического контроля пролетариата администрации как единого целого.

И, наконец, администрация не оставила администрации надлежно оберегает себя как единое целое.

Развитие администрации зависит от тех условий, в которых оно протекает. И пока администрация сама и управляет этими условиями, надеясь пролетариату не на что.

У пролетариата одна возможность. Вспомнить, что в какой же мере существующая администрация пролетариату не на что.

Можно ли надеяться на то, что администрация, изменяясь в ходе исторического процесса, приобретает качества соответствующие интересам пролетариата?

Надежда на нее рознь.

Развитие администрации зависит от тех условий, в которых оно протекает. И пока администрация сама и управляет этими условиями, надеясь пролетариату не на что.

У пролетариата одна возможность. Вспомнить, что в какой же мере существующая администрация пролетариату не на что.

Можно ли надеяться на то, что администрация, изменяясь в ходе исторического процесса, приобретает качества соответствующие интересам пролетариата?

Надежда на нее рознь.

Развитие администрации зависит от тех условий, в которых оно протекает. И пока администрация сама и управляет этими условиями, надеясь пролетариату не на что.

У пролетариата одна возможность. Вспомнить, что в какой же мере существующая администрация пролетариату не на что.

Можно ли надеяться на то, что администрация, изменяясь в ходе исторического процесса, приобретает качества соответствующие интересам пролетариата?

Надежда на нее рознь.

Развитие администрации зависит от тех условий, в которых оно протекает. И пока администрация сама и управляет этими условиями, надеясь пролетариату не на что.

У пролетариата одна возможность. Вспомнить, что в какой же мере существующая администрация пролетариату не на что.

Можно ли надеяться на то, что администрация, изменяясь в ходе исторического процесса, приобретает качества соответствующие интересам пролетариата?

Надежда на нее рознь.

Если Администрация еще не совсем утратила свои связи с пролетариатом и в состоянии эти требования принять, то они должны быть закреплены в реально осуществимых процедурах контроля пролетариата за действиями Администрации в целом.

Если же Администрация уже не в состоянии принять требования пролетариата или не намерена это делать, упролетариата нет иного выхода, кроме как заменить Администрацию старую и строптивую новой, способной признать контроль пролетариата и направить свои усилия на достижение целей пролетариата.

Но может быть мы несправедливы к имеющейся администрации? Ведь та цель пролетариата, о которой мы ведем речь - всемерное повышение эффективности производства - является и главным предметом забот Администрации теперь? Решения и постановления, речи и статьи, лозунги и почины - разве не призывают нас к тому же?

Вот именно, призывают. Вот именно НАС.

Сама направленность этих призывов отражает действительные нужды страны, отражает обострение противоречий между потенциальными возможностями достижения интересов пролетариата и практическими возможностями их реализации этих возможностей.

Сама форма этих призывов не отражает ничего, кроме порочного стиля работы Администрации, кроме ее полной неспособности эти противоречия разрешать.

Особые социальные интересы Администрации в сочетании с ее сложной иерархической структурой предопределили весьма своеобразную роль творческой инициативы в ее деятельности. Деловая инициатива вместо того, чтобы быть источником прогресса, двигателем общественного развития, в сложившейся административной среде не имеет иной ценности, кроме как средство продвижения по службе, как оружие в мелочной карьеристской борьбе за личное благополучие. В этой борьбе подавление и подрыв всякой инициативы играет нисколько не меньшую роль, чем ее проявление и поддержка. А поскольку ценность творческого подхода к решению важнейших задач полностью извращена таким его измерением, постольку он и не может приниматься в расчет при самом выдвижении задач. В связи с этим возник и укоренился вполне определенный - дурной и вредный - стиль в работе Администрации, в соответствии с которым задание, поступающее к любому администратору, без особых раздумий перекладывается на плечи его подчиненных (что так же проделывают и подчиненные - в свою очередь). В результате многие задачи, организационно разрешаемые на каком-то определенном уровне административной структуры, в неразрешенном виде перекладываются на нижестоящий уровень, где они уже и не могут быть разрешены, становятся неразрешимыми.

Естественно, такое перекладывание всегда завершается тем, что доходит до непосредственного исполнителя, если только на пути не возьмет на себя ответственность очередную неразрешимость признать и принять к исполнению только то, что в возможностях его и его подчиненных.

Затем тут, возможно не кстати, что неразрешимые задачи разворачивают все звенья административного

аппарата, через которые они проходят. Разврашают они и производителя, когда доходят к нему в виде нелепых, невыполнимых, бессмысленных производственных заданий. Развратают в том смысле, что отбивают всякую охоту относиться к своему делу с осознанием его осмысленности, целесообразности, полезности для общества.

Но таких уж стиля работы этой Администрации, и не поставив Администрацию в совершенно иные условия, не искоренить, не разрушив сложившиеся структуры, не поставить ее иначем иным продиктована проводимая ныне "широкая" мы вынуждены поставить в кавычки, потому, что при всей своей громогласности она менее всего затрагивает ту верхушку Администрации, от инициативности которой более всего действительно зависит эффективность производства, потому что она не содержит ничего, кроме стремления недееспособной Администрации переложить свою ответственность на широкие спои трудающихся.

Можно было предложить Администрации сменить стиль работы, но чтобы она серьезно отнеслась к этому, ее надо встремнуть, перетрясти как слегка и только тогда поставить на место. Поэтому что у Администрации, функционирующей в реально сложившихся условиях, никакого иного стиля быть не может.

Потому-то важнейшая на сегодня задача пролетариата состоит в борьбе с этой Администрацией, в борьбе за реально осуществимое право контроля надней, в борьбе за то, чтобы поставить Администрацию в такие условия, в которых она не могла бы подменить служение делу пролетариата мелкой грызней за собственные интересы.

А нельзя ли пролетарию избежать участия в этой борьбе? Нельзя ли ограничиться борьбой за повышение личного заработка? Или тот, кто хочет зарабатывать больше, предает интересы пролетариата? Нет, борьба за повышение личного заработка пролетариата не вредит. Эту борьбу надо вести, надо продолжать, надо вней стремиться к массовому солидарному действию. Но при этом каждый должен дать себе отчет, что в одиночку многое не добьешься, а всеобщее увеличение заработной платы ни для кого ничего не изменит: все равно на всю

полученную нами зарплату мы можем приобрести только то, что создано нашими руками и не более того. Значит единственно реальный путь к повышению жизненного уровня состоит в повышении эффективности производства, для чего нам и нужна Администрация, которая должна стремиться к максимальной производительности труда, к продуктивности труда, к бережному отношения к его труду, к продукту, этим трудом создаваемому.

А что это значит?

А это значит, что условия, в которых работает Администрация - и, видимо, вполне устраивающие ее условия - толкают Администрацию на действия, которые пролетариату пользы не приносят, которые для пролетариата откровенно вредны.

Главное, чего не хватает пролетариату сегодня - это боржного отношения к его труду, к продукту, этим трудом создаваемому.

Рабочий, занятый бесполезной, бессмысленной работой, и рабочий, сделавший полезную вещь, которая не будет по назначению или, хотя бы, не будет использована с максимальной полнотой, в равной степени имеют

добросовестностью понимать деятельность на благо общества даже вопреки собственным интересам.

В единичных случаях это возможно. В отношении массовом - это бессмыслица. Какому такому существу будет пользоваться, если все его члены действуют во вред себе?

Массовые действия определяются совсем другим.

Чтобы каждый приносил пользу обществу, нужно такое сочетание условий, в которых он имеет возможность удовлетворять свои личные интересы не иначе, как способствуя удовлетворению интересов общественных. То есть, чтобы сами его действия, направленные на достижение целей личных, служили благу общественному.

Конечно, во времени меняются - и меняются производимые интересы общества. Задать условия, связанные с интересами которой более всего действительно общественными, раз и навсегда - невозможно. Но общество, заботясь о своем прогрессе, должно постоянно к этому стремиться. Должно предельно чутко реагировать на каждую смену интересов измененными производственных отношений.

А люди что? А люди всегда работают добросовестно. И смысл этого вполне конкретен: в рамках существующих условий, какие бы эти условия не были, люди добросовестно ищут и всегда будут искать пути удовлетворения своих собственных интересов. Другой разговор, что и тогда общему делу вредят попона за интересами мелкими и сиюминутными в ущерб интересам более важным, но более отдаленным. Но и тут помочь могут не призы к "добросовестности", а, во-первых, реальная обеспеченность удовлетворения долгосрочных интересов, во-вторых, пропаганда, разъяснение этого. Все сказанное относится в равной степени и к каждому рабочему и к каждому администратору. И если мы говорим, что Администрация у нас работает из рук вон плохо, то это не абстрактная оценка, а прямое указание на тот факт, что результат ее нормальной и вполне добросовестной, применительно к реальным условиям деятельности плох для пролетариата, не обеспечивает достижение целей пролетариата.

А что это значит?

А это значит, что условия, в которых работает Администрация - и, видимо, вполне устраивающие ее условия - толкают Администрацию на действия, которые пролетариату пользы не приносят, которые для пролетариата откровенно вредны.

И это при всем при том, что наша Администрация - мелкобуржуазная стихийность.

И это при всем при том, что наша Администрация - мощнейший аппарат с прочными связями, подчиненностью, сквозными планами, учетом, отчетностью, ревизиями и проверками? Да.

Организация существует, но она не направлена на

подъем производства, на повышение его эффективности.

В силу обстоятельств она во много утратила свое первоначальное назначение, превратилась в

организованную арену дележа прибавочной стоимости, в арену мелкобуржуазной борьбы за свою личную долю

ценностей, экспроприированных из продукта, производимого пролетариатом. И управление производством из фактора главного, целевого для всей

системы превратилось в организованную арену дележа

прибавочной стоимости, в арену мелкобуржуазной борьбы за свою личную долю ценостей, экспроприированных из

производства, производимого пролетариатом. И управление

производством из фактора главного, целевого для всей

системы превратилось в фактора главного, целевого для всей

.